

Люди на войне

Олег Бэйда,
Игорь Петров

Хаос именно там процветает, где настойчивее всего ищут порядка. Хаос всегда побеждает порядок, поскольку лучше организован.

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ. *«Интересные времена»*

Россия тащит за собой пышный шлейф трудного прошлого – неперенный атрибут любой почтенной государственности. И все чаще с высоких трибун доносятся разговоры о том, что затейливому облачению требуется сопровождающая команда опытных портных. Удивляться этой одержимости историей не стоит: речь идет о тенденции, чуть ли не общемировой, – давно прошедшие времена тревожат умы и бередают чувства не только у нас. В центре внимания – Вторая мировая и 1945-й. Человечество сейчас достигло той парадоксальной точки, когда та война вроде бы уже стала далеким прошлым, но все же это прошлое еще недостаточно далеко, чтобы отдать его на откуп архивариусам. А тут вдобавок прирученная было современность нет-нет, да и вздыбится очередным мировым кризисом – и где, как не в славном прошлом, искать опору для успокоения?

И вот вопросы, казавшиеся навсегда разъясненными, вдруг снова выползают из архивных хранилищ, а (пере)толкование недавней истории становится важнейшим инструментом «пере-

Олег Бэйда (р. 1990) – историк, преподаватель Университета Мельбурна (Австралия), специализируется на истории русской эмиграции и Второй мировой войны.

Игорь Петров (р. 1969) – историк, независимый исследователь (Мюнхен, Германия), специализируется на истории русской эмиграции и Второй мировой войны.

**«22 ИЮНЯ, РОВНО
В ЧЕТЫРЕ ЧАСА...»:
К 80-ЛЕТИЮ
НАПАДЕНИЯ
НАЦИСТСКОЙ
ГЕРМАНИИ НА СССР**

ковки» настоящего в будущее. Одни страны, соприкасаясь с неприглядным прошлым, законодательно решают считать его не только «приглядным», но и достойным поклонения; в других, нехотя порыскав вокруг да около, вернулись в давным-давно наезженную колею, не затрудняя себя лишними законопроектными. На рынке вины, ответственности, участия и соучастия стоит гвалт – и предлагаются скидки оптом; о сложившемся кавардаке сокрушаются *все* вовлеченные в баталии о прошлом государства, но при этом каждое представляет последнюю «историческую правду» по-своему, не так, как другие.

Для России события 1941–1945 годов особенно болезненны: нигде в мире десятки миллионов жизней, и без того покалеченных революцией и сталинизмом, не перемальгвались иноземным вторжением столь беспощадно. О войне на уничтожение, начавшейся после нападения нацистов на СССР, написаны целые библиотеки, в которых виднейшее место занимают тома о преступлениях национал-социализма¹. Не желая повторяться, мы ограничимся простой констатацией: война с нацистской Германией и немецкая оккупация стали для СССР социальными травмами *чудовищных масштабов*. И это объясняет особое отношение к обсуждаемой здесь теме в нынешней Российской Федерации.

Изучать ту великую войну можно по-разному. Ускоряющаяся оцифровка архивов способствует популяризации самого прямолинейного пути – обращения к журналам боевых действий и погружения в технические детали «крепкой брони и быстрых танков». Это вполне легитимный жанр, где общий упадок книгопечатания эффективно компенсирует *YouTube*, который помогает знатокам микро- и макроистории многократно наращивать аудиторию интересующихся. Нет сомнений, что накопленная фактология когда-то выльется в исполинские фолианты дипломированных специалистов и самодеятельных энтузиастов, посвященные тому, как велись, выигрывались и проигрывались битвы.

Однако битвами война не исчерпывалась; в первую очередь конфликт разворачивался в противостоянии людей и идей. В научном сообществе рамка «немцы против русских» давно вышла из моды. Согласно сложившемуся консенсусу, все было гораздо сложнее: на каждой из двух сторон оказались разные нации, разные культуры, разные индивиды, делавшие тот или иной выбор. Разобраться в этих хитросплетениях непросто: недаром отдельные энтузиасты, едва открыв для себя эту цветущую сложность, тут же с негодованием утрамбовали ее в шаблон «против нас воевала вся Европа».

Но что будет, если взглянуть на глобальное полотно Второй мировой *не только как на смертельную рубку* Оси с Союзни-

1 Из недавних обзорных публикаций см.: КAY A.J., STANEL D. (Eds.). *Mass Violence in Nazi-Occupied Europe*. Bloomington: Indiana University Press, 2018.

ками? Что если представить ее столкновением множества ментальностей, выбором и навязыванием идентичностей, формированием судеб под действием веера сторонних сил, схваткой с открытым результатом? Какими предстанут перед нами люди, втянутые во все это, как можно будет их понять?

Для анализа прошлого в такой оптике нам потребуются новые установочные принципы. Во-первых, историкам придется признать, что сквозь тусклое стекло отнюдь не полных источников можно лишь гадать о внутреннем мире людей, принадлежавших к тем поколениям. Даже если предположить, что нам действительно удалось наметить глобальные векторы движения идей той поры, реконструировать мышление и мотивацию того или иного частного разума, это помогает лишь отчасти. Накопление же знаний неизбежно повлечет за собой то, что и образ прошлого в целом, и образы его обитателей в частности будут меняться – вне зависимости от чьих-либо желаний. Такое разноголосое богатство человеческих историй на фоне войны можно считать хоть и трагичным, но все же бесспорным сокровищем тематики Второй мировой.

Во-вторых, изучаемые нами герои минувшего не были статичными сущностями, раз и навсегда вытесанными из гранита, – они менялись. И поэтому нет никаких оснований утверждать, что их поступки или мысли на войне однозначно и навсегда предписывались идеологией, воспитанием, гражданством. Помимо этих очевидных и мощных факторов, существовали тысячи частных, условностей, предрассудков. Это сегодня война открывается нам из удобного кресла «после-знания» – а тогда сиюминутные человеческие реакции рождались в пространстве фундаментального кризиса, полной или частичной неизвестности, невозможности осознать *всю глобальность* событий.

Наконец, в-третьих, жившие тогда люди были обуреваемы страстями, совершали ошибки, творили, ненавидели, любили, мечтали, думали, трудились, бездельничали – словом, вели себя очень по-человечески. И все это оказывало влияние не только на личные судьбы, но и порой на сам ход войны. Говоря о людях прошлого, мы ведем речь не об идеальных сущностях, не о «богах, героях и злодеях». Историки препарируют прошлое категориально, удобно раскладывая человеческие мотивы по полочкам статей и монографий, но достаточно погрузиться хотя бы в одну судьбу, не говоря уже о группе схожих судеб, как всякие ярлыки отваливаются, утрачивая смысл.

Батальонный комиссар Яков Чугунов попал в плен в конце июня 1942 года вместе со 2-й Ударной армией. В материалах немецкого допроса, проведенного вскоре после пленения, говорится, что комиссар указал место, где прятались другие офицеры, и они были уничтожены; теперь же Чугунов готов к со-

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ
ЛЮДИ НА ВОЙНЕ

трудничеству². В плену комиссар вступил в «Политический центр борьбы», марионеточную организацию военнопленных, но уже через год, воспользовавшись случаем, перебежал к партизанам. В объяснительной записке он рассказал о героической гибели своих товарищей по 2-й Ударной при попытке вырваться из окружения³. За участие в «Политическом центре борьбы» Чугунов был приговорен к десяти годам лишения свободы, но в 1961-м реабилитирован, так как было установлено, что он вступил в эту организацию «с целью изыскания возможности для перехода на сторону Красной Армии»⁴. О том, что он выдал немцам товарищей в Волховском котле, советские власти так никогда и не узнали.

Ханс Бейтельшпахер, доктор наук и известный почвовед, до войны работал в Кёнигсберге, а после войны – в Брауншвейге; после 1945 года он неоднократно и с неизменным радушием принимал делегации советских ученых и даже перевел на немецкий язык книгу советского светила почвоведения, профессора Марии Кононовой. Если бы не уникальный дневник генерала вермахта Готхарда Хейнрици, чьим личным переводчиком в 1941 году был Бейтельшпахер, мы остались бы в неведении относительно того, что в жизни кабинетного ученого была еще и военная цезура, во время которой он, находясь на Восточном фронте, без суда и следствия повесил десятки партизан или людей, сочтенных им таковыми⁵.

Итак, на поведенческие параметры, их волатильность и стохастичность, накладываются ограничители внешние: неполнота источников и тот факт, что результат измерения зачастую невозможно обособить от самого измерения. Журналист Дмитрий Токарев-Уральский умудрился оставить два воспоминания об одном и том же бое с немцами. В версии, напечатанной в 1942 году в поднемецкой газете, его дивизия представляла сборищем беспомощных бедолаг, управляемых бездарными командирами во главе с комдивом-алкоголиком – зато в опубликованной через тридцать лет советской версии прославлялись героизм бойцов, образцовый порядок в полках и звавшая на подвиги кипучая энергия того же командира дивизии⁶. Очевидец явно подстраи-

2 Abwehrtrupp I/ AOK 18. Nr. 131/42 g. Überläufervernehmung vom 01.07.1942. Bundesarchiv Freiburg (BArch). RH 20–18/1054. Bl. 275.

3 Объяснительная записка о пребывании в плену немецко-фашистской армии батальонного комиссара Чугунова Якова Абрамовича. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 69. Оп. 1. Д. 751. Л. 187–193.

4 Решин Л.Е., Степанов В.С. Судьбы генеральские. Генералы-коллаборационисты // Военно-исторический журнал. 1993. № 11. С. 6.

5 Бэйда О., Петров И. «Я приказал не вешать партизан ближе, чем в ста метрах от моего окна». История одного нациста // Republic. 2021. 9 января (<https://republic.ru/posts/99242>).

6 Доля Д. [Токарев-Уральский Д.] Почему она непобедима // Северное слово [Ревель]. 1942. 21 октября. № 64. С. 4; Токарев-Уральский Д. Имя его как песня // Красное знамя [Томск]. 1973. 4 сентября. № 207. С. 4.

вает свой рассказ под внешние условия, при этом и то и другое изложение являются лишь экстремальными полюсами, а историческая правда, возможно, скрывается где-то между ними.

Кто-то скажет, что такой подход к той войне порочен – в силу, например, его «недостаточной» патриотичности. Но при рутинной работе с первоисточниками становится очевидно, что «туман войны» очень часто накладывается на «туман личности». В прошлом разлиты добро и зло, геройство и предательство, отвага и трусость, и их пропорция есть величина не predetermined, а вероятностная. Упомянутый выше генерал Хейнрици летом и осенью 1941 года ломал голову над схожими вопросами патриотизма и практицизма. Красноармейцы, писал он жене, упорно сражались, шли на военные хитрости и отчаянное самопожертвование, некоторые подрывали себя в безвыходной ситуации; однако затем те же люди внезапно позволяли себя пленить и начинали костерить свою армию, проклиная всю советскую жизнь⁷. Высколенный пруссак не мог взять в толк, как же одно сочетается с другим – и почему не рухнет строй, в котором подобные вещи сосуществуют.

В знаменитом мысленном эксперименте Эрвина Шрёдингера мы с точностью узнавали о том, жив или мертв кот, лишь когда открывали ящик. История пародирует квантовую механику: панфиловец Иван Добробабин летом 1942 года был мертв и посмертно награжден званием Героя Советского Союза – а также был жив и служил полицейским в немецком тылу⁸. Иначе говоря, редкая судьба на войне напоминает упирающееся в горизонт прямое шоссе: их динамика чаще похожа на движение в автомобильном заторе: вы не знаете точно, какие действия придется предпринять на следующем перекрестке, поскольку вокруг слишком много факторов, диктующих вам стиль вождения. Главный датский коллаборационист Кристиан Фредерик фон Шальбург уже в конце 1930-х возглавил Национал-социалистический союз молодежи Дании. Апрель 1940-го и известие об оккупации его страны немцами, которым он так симпатизировал, застали его на войне в Финляндии. Шокированный, он начал строить планы пробраться в Норвегию, чтобы оттуда продолжить борьбу *против* немецких оккупантов и освободить королевство. Это, однако, не помешало ему через год оказаться в войсках СС, то есть поддержать все тех же немцев, а через два года – погибнуть под Демянском, сражаясь за них. Все становится еще запутаннее, если вспомнить, что Дания была для него

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ
ЛЮДИ НА ВОЙНЕ

7 Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт 1941–1942 гг. в записях генерала Хейнрици / Под ред. Й. ХЮРТЕРА; предисл. О.И. Бэйды, И.Р. ПЕТРОВА. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 64–65, 70, 73–75, 79, 86–87, 110–111 (см. рецензию на эту книгу в «НЗ» (2020. № 1(129). С. 276–280. – Примеч. ред.).

8 STATIEV A. «La Garde meurt mais ne se rend pas!»: Once Again on the 28 Panfilov Heroes // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2012. Vol. 13. № 13. P. 788–790.

не первой, а второй отчизной: Шальбург был православным и родился в России, откуда бежал с родителями в 1917 году⁹.

И таких примеров сплетения личного, надличного и неизвестного множество. Летчик Николай Власов стал Героем Советского Союза заслуженно: он сбил десять самолетов противника¹⁰. Попав в плен летом 1943 года, он, допрошенный немцами, дал подробные показания об инспекции Управления ВВС РККА, в которой служил¹¹. Оказавшись в лагере военнопленных, он попытался бежать, был пойман, отправлен в концлагерь Маутхаузен и там казнен за подготовку восстания и побега¹². Его визави, летчик Фридрих Аугустин, попал в советский плен осенью 1941 года. В лагере он присоединился к антифашистской офицерской группе и в начале 1943-го принимал участие во фронтовой операции, пытаясь склонить к сдаче штаб оборонявшего Великие Луки немецкого полка, за что был награжден медалью «За отвагу»¹³. В сентябре 1943 года он был заброшен в немецкий тыл и через несколько месяцев проник с фальшивыми документами в кабинет группенфюрера СС Курта фон Готтберга, исполнявшего обязанности генерального комиссара оккупированной Белоруссии. У Аугустина были все возможности, чтобы ликвидировать Готтберга, но, вместо этого, он сдался ему и сдал прикрывавших его отход партизан¹⁴.

Можно ли объяснить эти и подобные им поступки? Мозг требует рациональной интерпретации, подыскивает спасительные штампы, предлагает трактовки, пусть конспирологические, но хотя бы *логичные*. Толкователи производят пассы над документами: «Предположим, что Аугустин изначально был немецким шпионом...». Или другой популярный мотив: протоколы допросов комиссара Чугунова и летчика Власова иезуитски подделаны хитрыми немцами специально, чтобы заморочить голову нам, потомкам. «Тут даже подписи нет! Значит, это “фальшак”, я вам такого сколько хотите нарисую». На смену бритве Оккама приходит боевой конспирологический топор, вырубаящий сомнения под корень, – и все снова становится *понятным*. Но теории заговора развращают, а готовые штампы выхолащивают осознание. Если же отмотать пленку минувшего, то единую логику, которая толкала бы многомил-

9 KIRKEVÆK M. «Linedans – C.F. von Schalburg og 9. April» // LAURIDSEN J.T. (Ed.). *Over Stregen – Under Besættelsen*. København: Gyldendal, 2007. S. 772–782.

10 Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 682 524. Д. 580. Л. 85.

11 *Luft.waffenführungsstab Ic. Auswertestelle Ost. Nr. 286/43 g. Sachvernehmung vom 30.12.1943*. BArch. RL 2-II/604. Unpag.

12 MARŠÁLEK H. *Geschichte des Konzentrationslagers Mauthausen: Dokumentation*. Wien: Mauthausen-Komitee Österreich, 1980. S. 259.

13 ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682 525. Д. 430. Л. 6.

14 Vermerk vom 12.12.1943. Archiv Institut für Zeitgeschichte, München. MA 795. Frame 531–533.

лионный человеческий процесс развития в ту или другую сторону, едва ли удастся прощупать.

Поэтому давайте же признаем наряду со множеством рациональных обстоятельств, влиявших на ситуацию, существование фактора совершенно иной природы – Хаоса, многоуровневой непредсказуемости и сложносоставной случайности, внутри которой живут целые страны и отдельные люди. Ведь если мы не в состоянии установить, почему человек поступал так, а не иначе, то приходится довольствоваться объяснительным потенциалом беспорядка.

Причем потенциал этот налицо. Выше уже говорилось о том, что человек, познавший войну, мог кардинально менять свой рассказ о ней в зависимости от фигуры вопрошающего, ибо очень важно сказать нужное, чтобы *хоть как-то* удержать под контролем хаос вокруг. Удастся ли это, сам говорящий наперед не знал. На один и том же вопрос – скажем, «Как вам жилось в оккупации?» – в 1941-м и 1944-м одни и те же люди могли дать разные ответы, но и только лишь желанием подстроиться всего не объяснить. Действительно, настроения и эмоции могли менять вроде бы рациональную линию поведения, но к этому примешивались еще и сторонние влияния, определенные самой ситуацией. Кроме того, как было показано выше, произнесенные человеком слова не означали, что поведение вообще им соответствовало – оно могло отражать что-то третье.

Зачем некоторые советские военнопленные, попавшие в плен еще в 1941-м, соглашались сотрудничать с немцами осенью 1944 года и даже весной 1945 года? Идеология, политика, невыносимые условия фашистской неволи? Нет, нет и нет, ибо в таком случае они стали бы коллаборационистами гораздо раньше. Остается неучтенная серая зона частной психологии и случайностей: между тем, слившись воедино, эти вещи образуют значимый фактор. Люди, оказавшиеся в кризисных условиях, принимают многие решения тактически, спонтанно, на ходу. Почему человек вообще оказывается на той или другой стороне? Это стечение личного выбора, частной воли, групповой динамики и непреодолимых обстоятельств, которые и в мирной-то жизни не всегда оказываются контролируруемыми. По-настоящему чистых типажей – тех самых «богов, героев и злодеев», то есть личностей, твердо убежденных или даже фанатичных, – очень мало. Впрочем, и они живут в хаотичном мире, где вынуждены считаться с вечной нехваткой контролируемости и предсказуемости. И потому даже в их рядах встречаются порой кульбиты, которым нет объяснения.

Наконец, хаос как явление *никак не исключает и вовсе не подменяет* горения, жертвенности, эгоизма, совестливости, злодейства, морали. Он лишь выступает мощнейшим фактором, услож-

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ
ЛЮДИ НА ВОЙНЕ

няющим реальность и любое действие внутри нее – фактором, способным разрушать, укреплять, менять, кромсать и подтачивать идеи и позиции. Его нужно учитывать, ибо, подобно воздуху или гравитации, он невидимо разлит повсюду и оказывает влияние на все. Кровопролитная глобальная война – его царство, поскольку там правит внезапность, там невозможно держать под контролем изменения, там результат поступка непредсказуем, а человеческая личность становится текучей и непостоянной.

Представленные в этой рубрике авторы намеренно выбрали для изучения «антропоцентричное» измерение трагедии, начавшейся 22 июня 1941 года.

Подборку статей открывает материал профессора Университета Мельбурна (Австралия) Марка Эделе, специалиста по сталинскому периоду советской истории, задающий тон дискуссии¹⁵. Эделе анализирует действия советской партийной и государственной верхушки, и в первую очередь Иосифа Сталина, в самом начале войны. Нам, как и прежде, трудно реконструировать, что же на самом деле происходило в те дни в его голове. Однако сохранение загадки снова и снова заставляет историков возвращаться к теме, находить все новые источники и анализировать их. Кратко охарактеризовав советскую политику до лета 1941 года, Эделе рисует картину внезапной эмоциональной вспышки и ментального остывания «стального большевика». Он показывает, как, подавив минутную слабость, тот вновь взял в руки бразды кризисного управления: лето, начавшееся со знаменитой реплики «все просрали», осенью завершилось споро потушенной московской паникой и успокаивающим «я думал, будет хуже».

Затем следует дебют историка-москвоведца Анатолия Воронина с темой иностранцев в воюющей столице. Иностранные граждане были в городе и до 1941-го, на постое и проездом: среди них встречались дипломаты, журналисты, инженеры, военные и просто туристы¹⁶. Все они находились внутри советской жизни, одновременно пребывая вне ее. Как они воспринимали чужой мир и, главное, чем стала здешняя война для зарубежных гостей? Ведь они всегда могли отбыть назад, в страну происхождения, что, по советским меркам 1940-х, делало их редкими счастливицами. Однако многие из них предпочитали любым способом оттягивать свой отъезд из сталинской России. Насколько нам известно, эта тема ранее не удостоивалась пристального внимания, хотя о Москве в 1941 году иностранцы писали, как освещали они и частные истории за-

15 См. также размышления Эделе о ветеранском движении в СССР: КАРПОВ М. *Война окончена, всем спасибо. Почему советская власть не спешила воздать должное ветеранам* // Лента.ру. 2017. 17 мая (<https://lenta.ru/articles/2017/05/17/veterans/>).

16 FITZPATRICK S. *Foreigners Observed: Moscow Visitors in the 1930s under the Gaze of Their Soviet Guides* // *Russian History*. 2008. Vol. 35. № 2. P. 215–234; HAZANOV A. *Porous Empire: Foreign Visitors and the Post-Stalin Soviet State*. PhD dissertation. University of Pennsylvania, 2016.

рубежных гостей в СССР в целом¹⁷. Воронин, однако, находит собственный ракурс: его взгляд оригинален и самобытен, а рисуемые им картины увлекают и интригуют.

Третий материал принадлежит перу Эрины Мегован из Колледжа Святого Креста (Вустер, США). Ее статья посвящена взаимоотношениям советского государства и интеллигенции летом 1941 года. Процесс полноценного выращивания творческих кадров в СССР к тому моменту не был завершен, а после нападения нацистов профессионалы во всех областях стали еще более востребованы. Американская исследовательница детально анализирует пройденный советскими творческими союзами путь от растерянности и замешательства к сосредоточенности и обретению своего места в «общем строю». Она показывает, как в поведении и поступках творческих людей удивительным образом сочетались потребность в наставлении со стороны власти и огромный потенциал самоорганизации. Война, по ее мнению, стала временем, когда советская интеллигенция активно переосмысливала собственную идентичность, действуя при этом методом проб и ошибок.

Завершает рубрику глава из книги американского историка Брендона Шехтера, посвященной имуществу красноармейцев. Если человеческие отношения субъектов на войне подвергаются сложным метаморфозам, то как это сказывается на взаимодействиях субъектов с предметным миром? Несут ли принадлежащие им объекты отпечатки жизней своих хозяев и что они могут поведать нам о войне? Люди воюют по многим причинам, а вот их вещи воюют вместе с ними лишь потому, что принадлежат им. Авторский взгляд любопытен уже тем, что об этой стороне войны мало кто задумывается. Бытовая предметность войны предлагает новый угол зрения, безусловно, обогащающий наше видение великой трагедии 1941–1945 годов.

Разумеется, всей многогранности небывалой и всемирной катастрофы невозможно исчерпать небольшой тематической подборкой о людях, в разных ипостасях и разными путями оказавшихся на войне. Погрузившись в хаос, они нащупывали для себя разные пути. Причудливые конstellации поступатов совести, политических убеждений, личностных идеалов, мириады судеб, затянутых вихрем беспорядка, оказываются куда сложнее и непостижимее самых эффектных оперативных планов и грандиозных технических деталей – они завораживают. Именно поэтому мы до сих пор оглядываемся на те годы. Именно поэтому давняя война никак не отпускает наш мир.

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ
ЛЮДИ НА ВОЙНЕ

17 Среди множества публикаций см., например: BRAITHWAITE R. *Moscow 1941: A City and Its People at War*. London: Profile Books, 2006; FITZPATRICK S. *A Spy in the Archive: A Memoir of Cold War Russia*. London: I.B. Tauris, 2015; LEE A. *Russian Journal*. New York: Random House, 2006; ТРАВЕРС П.Л. *Московская экскурсия*. СПб.: Лимбус Пресс, 2016.

